

Лисина Л. А.
L. A. Lisina

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. С. ТУРГЕНЕВА

HISTORIOGRAPHIC ASPECT OF RESEARCHING I. S. TURGENEV'S WORKS

Лисина Лина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Кирова, 17. E-mail: lalisina@mail.ru.

Ms. Lina A. Lisina – PhD in Philology, Associate Professor, Russian Language and Literature Studies Department, the Amur Humanitarian and Pedagogical State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681000, Komsomolsk-on-Amur, 17, Kirov street. E-mail: lalisina@mail.ru.

Аннотация. Художественный текст выступает как лингвистический источник, поскольку отражает факты истории языка. Произведения И. С. Тургенева предоставляют исследователям важные с точки зрения источникововедения сведения для определения и уточнения семантики малоизвестных и непонятных слов.

Summary. The literary text acts as a linguistic source, because it reflects the facts of language history. From the point of view of historiography, the works of I. S. Turgenev give researchers important information to determine and clarify the semantics of obscure and incomprehensible words.

Ключевые слова: источниковедение, лингвистический источник, авторские глоссы, редкие слова, И. С. Тургенев.

Key words: historiography, the linguistic source, author's glosses, rare words, I. S. Turgenev.

УДК 81

На сегодняшний день источниковедение – это учение об источнике, которое имеет принципиальное значение для гуманитарного знания в целом. Ключевым моментом источниковедческой парадигмы является понятие источника как продукта целенаправленной человеческой деятельности, явления культуры.

Содержание источника интересует лингвиста главным образом с точки зрения употребления в нем тех или иных фактов языка. Лингвистический анализ текстов русской художественной литературы обыкновенно подчиняют задачам исследования современного русского языка в его литературном варианте и особенно изучению компонента последнего – языка художественной литературы. Такое использование художественных текстов как лингвистических источников вполне закономерно, но представляется неполным. Анализ текстов данного рода с точки зрения их значения для истории русского языка, и не только литературного, не получил заметного распространения. Между тем привлечение подобных текстов для выяснения и уточнения известного круга моментов и фактов истории языка не только желательно, но порой и необходимо, поскольку в отдельных случаях иные группы источников не дают искомых сведений [2].

Хотя современные художественные тексты дают по истории языка менее богатые и более поздние сведения, они заслуживают серьезного внимания исследователей. «В сравнении с ранними художественными текстами они обладают в лингвистическом плане и большей целостностью и в отношении многих элементов словаря более развитой контекстуальностью, что для оценки тех или иных лексических фактов в истории языка представляется довольно существенным» [5].

Лингвистические исследования художественных текстов, прежде всего касающиеся изучения лексики, нередко не имеют источниковедческой основы. Языковой материал анализируется без учета тех условий, обстоятельств, с которыми связано появление и функционирование текста. Совершенно прав А. А. Алексеев, полагая: «Создается впечатление, что методы исследования

лингвистического материала не находятся в полном согласии с состоянием источниковедческой базы истории русского языка» [1].

Методика источниковедческого анализа художественного произведения в каждом конкретном случае должна определяться разными факторами, обусловленными хронологическими, жанровыми характеристиками текста, связью с другими источниками и др.

Любое произведение художника слова является фактом истории языка, поскольку в каждом художественном тексте воплощается определенная ступень развития последнего и, прежде всего, его ответвления – языка художественной литературы. При таком подходе художественный текст выступает как лингвистический источник. Расширение круга источников имеет неоспоримую ценность для воссоздания полной картины состояния и развития словарного состава языка в определенные периоды его функционирования.

Подход к художественному тексту как лингвистическому источнику является немаловажным, поскольку, во-первых, помогает освоению «уходящей» словесной культуры; во-вторых, он необходим для преодоления, устранения любых лексических барьеров (к числу которых относятся и пласт устаревшей лексики) на пути текста от автора к читателю; в-третьих, такой подход – это и точка отсчета для новой лексической нормы, и предел сферы действия лексических норм прошлого.

Интересным, но в то же время сложным для интерпретации источником являются произведения И. С. Тургенева.

Ценным материалом для лексикографии в произведениях И. С. Тургенева служат *авторские глоссы* (комментарии, примечания автора).

Комментарии в текстах И. С. Тургенева – явление нечастое. Как правило, они сопровождают слова или заимствованные (*аффенталер, бонёрдюжур, бостон сампрандер, томбола, фосс-паркэ*), или «местные», диалектные (*площадя, головизна, мякенькое*).

В художественных произведениях писателя можно встретить пояснения, относящиеся к происхождению слова (– *Нигилист*, – *проговорил Николай Петрович, – это от латинского nihil, ничего, сколько я могу судить: стало быть, это слово означает человека, который ничего не признает?* «Отцы и дети», VIII, 215), его истории, употребительности, указания на ограниченную сферу бытования (*Бирюком называется в Орловской губернии человек одинокий и угрюмый*. «Бирюк», IV, 169).

Малопонятные слова чаще всего выделяются графически: курсивом, заключаются в кавычки (*Марианна, все еще красная, села; сел и Нежданов; сел Соломин <...> села, наконец, и Татьяна на «тычке», то есть на стоявшее стоймя толстое полено*. «Новь», XII, 219), скобки (*А Биндасов даже не поблагодарил Литвинова: потребовал стакан аффенталера (баденского красного вина) и ушел*. «Дым», IX, 210). Графические средства служат показателем «сторонности» того или иного слова общелитературному языку.

Авторские толкования в художественных произведениях И. С. Тургенева можно встретить как в самом тексте, так и в подстрочном комментарии. Например: – *У Сучка есть дощаник**, – *заметил Владимир, – да я не знаю, куда он его спрятал* (в сноске: *Плоская лодка, сколоченная из старых барочных лодок), «Льгов», IV, 82; – *Я бы тебя свёл, пожалуй, на ссечки** (в сноске: *Срубленное место в лесу), «Касьян с Красивой Мечи», IV, 119; <...> *я никогда не видывал более пронизательных и умных глаз, как его крошечные, лукавые «гляделки»** (в сноске: *Орловцы называют глаза гляделками так же, как рот едалом), «Певцы», IV, 235; *Кругом всё такие буераки, овраги, а в оврагах всё казюли** водятся (в сноске: *По-орловскому: змеи), «Бежин луг», IV, 102; *Однажды рьяный битюк** помчал его под гору к оврагу (в сноске: *Битюками, или с битюка, называются особенной породы лошади, которые развелись в Воронежской губернии, около известного «Хренового» (бывшего конного завода гр. Орловой)), «Одюдворец Овсяников», IV, 63.

Особый интерес с точки зрения истории языка представляют собой развёрнутые авторские глоссы: <...> *студенты приехали из Б. на коммерш*. *Может быть, не всякий знает, что такое коммерш*. *Это особенного рода торжественный пир, на который сходятся студенты одной земли, или братства (Landmannschaft)*. *Почти все участники в коммерше носят издавна уста-*

новленный костюм немецких студентов: венгерки, большие сапоги и маленькие шапочки с околышами известных цветов. Собираются студенты обыкновенно к обеду под председательством сениора, то есть старшины, – и пируют до утра, пьют, поют песни, *Landesvater*, *Gaudeamus*, курят, бранят филистеров, иногда они нанимают оркестр («Ася», VII, 74).

Проведённый нами источниковедческий анализ позволил установить, что глоссирование в художественных произведениях И. С. Тургенева осуществляется двумя способами: 1) от пояснения к непонятному слову и 2) от непонятного слова к пояснению.

При первом способе слова, требующие пояснения, включаются в контекст с помощью вводных конструкций и пояснительных конструкций с союзом «или»:

Молнии не прекращались ни на мгновение; была, что называется в народе, воробьиная ночь («Первая любовь», IX, 28).

Рядом с нею [пасекой – Л. Л.] стоял плетёный сарайчик, так называемый амшаник, куда ставят улья на зиму («Живые мощи», IV, 353).

Это был человек весьма обширный, или, говоря старинным словом, уцелевшим в наших краях, облый, с большим лицом, с большими глазами и губами («Два приятеля», VI, 51).

Второй способ – от непонятного слова к пояснению – является наиболее частотным.

Все приёмы глоссирования, встречающиеся в текстах И. С. Тургенева, можно разделить на синтаксические и лексические.

Синтаксические приёмы глоссирования

1. Использование пояснительных конструкций с союзами «или», «то есть»:

Елеонора Карповна в первой молодости отличалась, вероятно, тем, что французы неизвестно почему называют красотой дьявола, т.е. свежестью («Несчастливая», X, 79).

Но мудрец отвечал, что «хтошь е знает – вёрсты тутотка не меряные», и продолжал вполголоса бранить коренную за то, что она «головизной лягает», т.е. дёргает головой («Отцы и дети», VIII, 306).

<...> но Паклин немедленно их [Субочевых – Л. Л.] успокоил, представив им поочерёдно, с разными прибаутками, Нежданова, Соломина и Маркелова как людей смирных и не «коронных». Фомушка и Фимушка особенно не жаловали коронных, то есть чиновных людей («Новь», XII, 131).

– Здесь есть мужичок, он страдает иктёром <...> – То есть желтухой? («Отцы и дети», VIII, 321).

<...> у нас прекрасно путешествовать, особенно по «мякенькому», то есть по грязи («Дым», IX, 320).

<...> этот достойный муж [поручик – Л. Л.] обходился с ним, как говорится, без чинов, т.е. ужасно грубо («Андрей Колосов», V, 18).

В начале августа жары часто стоят нестерпимые. В это время, от двенадцати до трёх часов, самый решительный и сосредоточенный человек не в состоянии охотиться и самая преданная собака начинает «чистить охотнику шпоры», то есть идёт за ним шагом («Малиновая вода», IV, 33).

Тот скакал так же быстро, но прыгал выше и дальше; этот шагом шёл вольнее, а рысью трясче и «хлябал» иногда подковами, т.е. стучал задней о переднюю («Конец Чертопханова», IV, 341).

А Вам я желаю работать, работать и ещё раз работать. Не дайте своему таланту ни заснуть, ни рассыпаться на мелочи, ни, говоря орловским словом, зачичкаться – т.е. до времени высохнуть (Письмо В. Н. Кашперову от 5 (17) января 1857 года).

2. Использование вставных конструкций:

Из крохотного «бонёрдюжура» – так называлось старинное бюро на маленьких кривых ножках с подъёмной крышей, которая входила в спинку бюро, – она достала миниатюрную акварель в бронзовой овальной рамке («Новь», XII, 133).

Обед был действительно недурен и, в качестве воскресного, не обошёлся без трепещущего желе и испанских ветров (пирожного) («Мой сосед Радиллов», IV, 56).

3. Использование вводных конструкций:

– *Вы, милостивый государь, – заговорил он, презрительно-небрежно, – состояли у почтенного Фёдора Фёдоровича в должности **потешного, так сказать, прислужника*** («Чертопханов и Недопюскин», IV, 307).

4. Использование конструкций с глаголами «зовётся», «называется», «означает»:

*Маркелов знал, что **курреем зовётся мохнатая кисть на казачьей или черкесской шапке*** («Новь», XII, 133).

5. Использование придаточных конструкций:

*С Неждановым он познакомился в греческой **кухмистерской, куда ходил обедать** и где выражал подчас весьма своеобразные и резкие мнения* («Новь», XII, 13).

6. Включение слова в однородный ряд с обобщающим словом:

*<...> играли в карты, но тоже всё в **старинные игры: в кребс, в ламуш, или даже в бостон сампрандер*** («Новь», XII, 130).

7. Установление аппликативных отношений между определяемым словом и приложением:

*Он теперь знал по опыту, как светские люди даже не бросают, а просто роняют человека, ставшего им ненужным: как перчатку после бала, как бумажку с конфетки, как не выигравший билет **лотереи-томболы*** («Рудин», VI, 335).

*Почти в уровень с ней [плотиной – Л. Л.] виднелась красная крыша небольшой **мельницы-колотовки*** («Затишье», VI, 88).

8. Использование вопросно-ответной формы:

– *Сперва точно был поваром, а то и в **кофишенки** попал <...> – Это что за должность такая? – А не знаю, батюшка. **При буфете состоял*** («Льгов», IV, 85).

– *Вы, стало, из тех, что **опроститься** хотят? <...> – Да, такое у нас теперь слово пошло. **С простым народом, значит, заодно быть*** («Новь», XII, 204).

Лексические приёмы глоссирования

9. Включение слова в синонимический ряд:

– *Я болтаю, потому что я горемыка, я нелюбимый, я **фокусник, артист, фигляр*** («Накануне», VIII, 30).

– *Дрянь! колпак! – завопил Биндасов. Вагоны катились всё шибче и шибче, и он мог безнаказанно ругаться. – **Скряга! слизняк! каплюжник!*** («Дым», IX, 317).

– *К чему, зачем эта грусть? – смутное, ноющее чувство? Коли ты **рефлектёр** и **меланхолик**, – снова шептали его губы, – какой же ты к чёрту революционер?* («Новь», XII, 121).

[Купец Голушкин – Л. Л.] *не увеличил отцовского состояния, ибо был, как говорится, **жэу-ир, эпикуреец на русский лад** – и никакой в торговых делах сообразительности не имел* («Новь», XII, 116).

*Мне попаласть какая-то **неторная, заросшая** дорожка; я отправился по ней, внимательно поглядывая вперед* («Бежин луг», IV, 94).

10. Употребление гипонимов:

*Сипягин и Каломейцев закурили **сигары**. Сипягин предложил было одну настоящую **регалию** Нежданову, но тот отказался* («Новь», XII, 53).

11. Употребление антонимов:

*Прошло около двух недель. Жизнь в Марьине текла своим порядком: **Аркадий сибаритствовал, Базаров работал*** («Отцы и дети», VIII, 237).

Среди слов с авторскими примечаниями в произведениях И. С. Тургенева встречаются редкие слова, не вошедшие в современные толковые словари русского языка, – *аффенталер, бонёр-дюжур, фосс-паркэ, кофишенк, кребс, ламуш* и др.

К числу редких слов, не учтенных словарями Р. П. Рогожниковой и В. П. Сомова в силу неполной обработки текстов произведений XIX в., относятся существительные *бель-ом* и *грансень-орство*: *За обедом Литвинову удалось сидеть возле осанистого **бель-ома** с нафабранными усами, который все молчал и только пыхтел и глаза тарашил* («Дым», IX, 223); *<...> один Павел Пет-*

рович похудел, что, впрочем, придавало еще больше изящества и **грансеньорства** его выразительным чертам («Отцы и дети», VIII, 338).

В словаре «Редких слов в произведениях авторов XIX в.» Р. П. Рогожниковой встречается слово *бель-фам* – «женщина высшего общества» [Рогожникова 2000, 48]: *Юбка вся собирается вокруг, как бывало в старину фижмы, даже сзади немножко накладывают ваты, чтобы была совершенная «бель-фам»* (Н. В. Гоголь «Мертвые души»). У В. С. Елистратова в лингвоэнциклопедическом словаре «Язык старой Москвы» *бель-фам* – «красивая, видная женщина» [3]. Проведенный нами сопоставительный анализ лексем *бель-ом* и *бель-фам*, а также контекстуальное окружение первой лексической единицы позволяют говорить о том, что в романе «Дым» речь идет о человеке высшего общества.

Французское слово *гран-сеньор* синонимично существительному *бель-фам*. Встречается в произведениях И. А. Гончарова и др.: *Это один из тех пройдох, что приезжают сюда <...> и потом делаются гран-сеньорами* (И. А. Гончаров «Обрыв»). Слово *гран-сеньор* зафиксировано в словаре Р.П. Рогожниковой [6], в то время как лексическая единица *грансеньорство* в словаре не учтена.

К числу редких слов, нуждающихся в лингвоисторическом комментировании, относится слово *реак*: *С людьми высшего полета, с «реакками», как он выражался, он был крут и даже груб* («Новь», XII, 76).

Выражение *люди высшего полета* соотносится с устойчивым оборотом речи *птица высокого полета*. Следовательно, в романе И. С. Тургенева речь идет о человеке, занимающем высокое положение, то есть о представителе высшего общества.

В силу устарелости и редкого употребления в языке нуждаются в комментариях слова *жидомор* и *каплюжник*: – *Что же, вы думаете, мне отвечал жидомор? Я, говорит, твои долги изволь, заплачу. До двадцати рублей включительно!* («Несчастливая», X, 97); – *Дрянь! колпак! – завотил Биндасов. Вагоны катились все шибче и шибче, и он мог безнаказанно ругаться. – Скрыга! слизняк! каплюжник!* («Дым», IX, 317).

В «Словаре редких и забытых слов» В. П. Сомова *каплюжником* называется крохобор, корыстный человек [8]. Толкование слова *жидомор* в словарях отсутствует. Несмотря на отсутствие лексической единицы *жидомор* в толковых словарях и словарях редких слов, можно утверждать, что существительные входят в один синонимический ряд, доминантой которого выступает лексема «скрыга».

Интересны с точки зрения лингвоисторического комментирования редкие слова, относящиеся к бытовой лексике. Редкое слово *дульетка* обозначало понятие, считавшееся деталью дворянского быта, ориентированного на европейские образцы: – *А придешь, увидишь эти большие унылые комнаты, эти пестрые штофные мебели, этого приветливого и бездушного старика в шелковой «дульетке» нараспашку, в белом жабо и белом галстухе, с манжетками на пальцах* («Несчастливая», X, 109). Дульетка представляла собой домашнюю распашную одежду на вате, как правило, крытую шелком, не выходила из обихода до середины XIX в. [3].

В романе «Дым» встречается редкое слово *шине*: <...> *за ним вошла княгиня в шелковом платье шине* [IX, 189].

Из словаря В. С. Елистратова мы узнаем о том, что *шине* – ткань, орнамент которой создается предварительным нанесением рисунка на основу до переплетения с утком. В готовой ткани появляется характерная размытость контура изображения. Этот прием издавна известен был на Востоке и широко применялся в так называемых амбровых тканях. «Амбровыми» такие ткани назывались потому, что основной орнаментальный мотив представлял собой амбр – облако в виде ромба с прерывистыми или ступенчатыми гранями. Ткани типа «шине» для европейской части страны были с разнообразными цветочными орнаментами [3]. Упоминается А. Н. Островским: в гардеробе Олимпиады Самсоновны («Свои люди – сочтемся») два *шинероялевых* платья.

Не вошли в современные толковые словари русского языка, хотя широко употреблялись писателями-классиками второй половины XIX в., цветообозначения *аделаида* и *дикий цвет*.

Аделаида – цвет, близкий к пурпурному, вероятно приближающийся к фиолетовому или синему: *Одет он был в старенький изорванный стюртук цвета аделаида* («Контора», IV, 160).

Дикий цвет – цветообозначение, предполагающее естественный цвет пряжи, не подвергнутой обработке – отбеливанию или окраске; серый цвет: *А Павел Петрович вернулся в свой изящный кабинет, оклеенный по стенам красивыми обоями дикого цвета* («Отцы и дети», VIII, 233).

Р. М. Кирсанова указывает, что обычно данное определение относилось ко льну и пряже из него, но нередко употреблялось и шире – в отношении к другим тканям [4].

Следует отметить, что при рассмотрении редких слов в литературных произведениях XIX в. необходимо учитывать их фиксацию в более ранних словарях, а также возможность развития у них других значений как в современном русском языке, так и в языке XIX в. Например, слово *куролеска* в словаре XIX в. наряду с переносным значением «место заключения, тюрьма» (– *Эх, голубчики мои! Берете вы на себя тяготу не в моготу! Таких-то, как вас, пристава царские охочи в куролеску сажать!* Новь, XII, 213) употреблялось в своем основном значении – «невысокий ящик, обтянутый сверху и снизу холстом, предназначенный для содержания только что пойманного соловья» [6]: *На этом честолобивые попытки соловья покончились. Живо запрятали его в куролеску и продали в Зарядье, в трактир «Расставанье друзей»* (М. Е. Салтыков-Щедрин «Орел-меценат»).

Итак, тексты И. С. Тургенева – ценный лингвистический источник, который предоставляет исследователю довольно широкие возможности для определения и уточнения семантики малоизвестных и непонятных слов. Обращение к контексту произведения, изучение приёмов глоссирования необходимы в первую очередь в тех случаях, когда встречается слово, не включённое в словарь. Не учтённые в словарях слова из классических произведений русской литературы XIX в. служат некоторым резервом, из которого может черпаться лексика для новых изданий толковых словарей русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, М. П. Текстологические особенности издания И. С. Тургенева / М. П. Алексеев // Текстология славянских литератур. Доклады конференции. Ленинград, 25 – 30 мая 1971 года / под общ. ред. Д. С. Лихачева [и др.] – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1973. – С. 3-23.
2. Алексеев, А. А. Цели и методы текстологического исследования лингвистических источников XI – XVII вв. / А. А. Алексеев // Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. – М.: Наука, 1988. – С. 188-208.
3. Елистратов, В. С. Язык старой Москвы: лингвоэнциклопедический словарь: около 7000 слов и выражений / В. С. Елистратов. – 2-е изд., испр. – М.: АСТ: Астрель: Русские словари: Транзиткнига, 2004. – 795 с.
4. Кирсанова, Р. М. Костюм в русской художественной культуре 18 – первой половины 20 вв.: опыт энциклопедии / Р. М. Кирсанова; под. ред. Т. Г. Морозовой, В. Д. Синюкова. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. – 383 с.
5. Котков, С. И. Современный художественный текст и история языка / С. И. Котков // Исследования источников по истории русского языка и письменности. Сборник статей / под общ. ред. А. П. Жуковской и Н. И. Тарабасовой. – М.: Наука, 1966. – С. 5-24.
6. Редкие слова в произведениях авторов XIX века: словарь-справочник: около 3500 единиц / сост. Р. П. Рогожникова, К. А. Логинова, С. А. Пономаренко [и др.]; отв. ред. Р. П. Рогожникова. – 2-е изд., стер. – М.: Русские словари: Астрель, 2000. – 576 с.
7. Рогожникова, Р. П. Редкие слова в произведениях авторов XIX века / Р. П. Рогожникова // Вопросы языкознания. – 1982. – № 1. – С. 78-86.
8. Сомов, В. П. Словарь редких и забытых слов / В. П. Сомов. – М.: Астрель: АСТ, 2002. – 605 с.
9. Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем / Российская Академия наук СССР. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960 – 1968. – 28 т.